

Доказывать что-то изо всех сил ради чужого мнения — самое глупое занятие на свете. Ван Е всегда так считал.

— Где мастерская? — лаконично спросил студент Ван, который по-прежнему так считал.

Мастерская Тао Цэжання находилась на втором этаже кофейни.

Ван Е хоть и не понимал, зачем при кофейне устраивать мастерскую, но стоило ему войти внутрь, как он обо всем забыл.

В мастерской стояла всего одна картина — точнее, незаконченная работа. Она покоилась на мольберте, а краски рядом еще не высохли. Очевидно, автор отошел совсем недавно.

На холсте были изображены лес и ручей, у которого пили воду несколько пятнистых оленей. Лес словно только что припорошило снегом, а серебристо-голубые краски ложились мягкой изморозью.

Оленята были еще не закончены, проступая лишь легкими контурами, но уже казались невесомыми и живыми, будто лесные духи.

Ван Е заворуженно смотрел на картину.

Это была хорошая работа, пусть и незавершенная.

— Иди сюда, — Тао Цэжань незаметно установил новый мольберт и спросил Ван Е: — Тебе бумагу или холст?

— Бумаги достаточно.

Разложив бумагу, Ван Е взял карандаш и без лишних раздумий принялся набрасывать рисунок.

Некоторое время в мастерской слышался только тихий шорох карандаша по бумаге.

Линь У наблюдал, как под карандашом Ван Е рождается совершенно иной лес... э-э, это ведь был лес?

Хотя горы и чаща напоминали сложные механизмы, звери всех мастей щеголяли суровыми шестеренками, а весь рисунок был насквозь пропитан духом Стимпанка, в нем во всей полноте ощущалась дикая, первобытная мощь хлынувшего из леса зверья.

Линь У в искусстве не разбирался, и в такие моменты ему оставалось только выдать про себя: «Офигеть, как круто нарисовано».

Он и не подозревал, что Ван Е на такое способен. Теперь он смотрел на него словно сквозь розовые очки: взять хотя бы то, как тот крутил в пальцах карандаш. Раньше Линь У подумал бы, что двоечник просто витает в облаках, но сейчас ему казалось, будто художник блуждает по чертогам разума в поисках вдохновения.

Чжао Ли сначала прибрался на кухне внизу и лишь потом поднялся на второй этаж, где обнаружил, что все сгрудилось в мастерской.

Заглянув в дверь и быстро оценив обстановку, он негромко спросил Линь У, стоявшего ближе всех к выходу:

— Пойду приготовлю обед. Вы с другом предпочитаете мясо или овощи?

После Пробуждения дикой природы даже у самых близких людей приходилось заново спрашивать о вкусовых предпочтениях.

Линь У ткнул в себя пальцем:

— Мясо. — А затем указал на Ван Е: — И побольше мяса.

Чжао Ли улыбнулся:

— Принято.

В итоге Ван Е так и не закончил рисунок — довел его максимум процентов на семьдесят. Кое-где остались лишь общие очертания без детальной проработки, но доделывать ему было лень.

Слишком долго не брался за карандаш, руки отвыкли.

Зато Тао Цэжань пришел в полный восторг. Стоило Ван Е подняться, как он тут же уселся перед рисунком и принялся разглядывать его со всех сторон, любуясь деталями вблизи.

Линь У же куда больше интересовал Ван Е. Помимо шока и восхищения, он испытывал глубочайшее недоумение:

— Почему ты не пошел учиться на художественный?

Ван Е посмотрел на него как на сумасшедшего:

— А зачем мне учиться рисованию?

И он еще спрашивает!

— Ты так здорово рисуешь, просто глупо зарывать такой талант в землю!

Сидевший перед мольбертом Тао Цэжань услышал их разговор, обернулся и спросил:

— Ван Е, а тебе самому нравится рисовать?

Ван Е пожал плечами:

— Особого восторга не испытываю.

Тао Цэжань развел руками, глядя на Линь У. Ему было немного жаль, но он быстро смирился:

— Вот видишь. Талант далеко не всегда идет рука об руку с любовью к делу.

— А механика тебе нравится? — снова спросил Линь У у Ван Е.

— Тоже ничего особенного.

Линь У тяжело вздохнул:

— Дружище, а в этом мире вообще есть хоть что-то, к чему у тебя лежит душа, что тебе нравится?

Ван Е ответил без колебаний:

— Животные.

Линь У:

— ...

Тао Цэжань расхохотался до слез — разговоры этих двоих могли забавлять его целый день.

Даже когда пришло время обедать, с его лица не сходила улыбка.

Чжао Ли принес с кухни готовый обед. Это были простые блюда из меню кофейни, которые требовалось лишь разогреть или быстро дожарить: стейк под черным перцем, свиная отбивная в карри, хрустящая жареная курица, колбаски на гриле, тушеная говядина и салат «Цезарь».

Поскольку порции были небольшими, он приготовил все в двойном объеме. Все, кроме салата.

Будучи единственным овощным блюдом на столе, салат сиротливо примостился с самого края, красуясь в гордом одиночестве.

Все четверо сели за стол.

Глядя на обилие мяса, Линь У окончательно убедился, что перед ним сидят четыре хищника. Наконец выбрав удачный момент, он спросил:

— Дядя, а к какому семейству животных принадлежите вы с братом Чжао Ли?

Тао Цэжань решил потянуть интригу и ответил:

— Сначала расскажите о своих.

— Я — Джунглевый волк, — не стал ходить вокруг да около Линь У. — А он — Амурский тигр.

Тао Цэжань перевел взгляд со своего племянника на Ван Е и с одобрением кивнул:

— Подходит вашему характеру.

«Да ладно, в каком это месте подходит?» — подумал Линь У.

— С моим-то ростом и энергетикой я должен быть огромным волчищем! — Линь У до сих пор сокрушался из-за размеров Джунглевого волка: грации хоть отбавляй, а вот свирепости маловато.

Ван Е с удовольствием уплетал хрустящую курицу и никак это не комментировал.

— Джунглевый волк прекрасно приспосабливается к жизни как на воле, так и в черте города или его окрестностях, — заметил Тао Цэжань. — Это отличный вариант.

Линь У не знал, то ли смеяться, то ли плакать:

— Звучит как-то странно. Я же просто пробудился, а не превратился в настоящего волка. Кем бы ты ни стал, в городе-то в любом случае выживешь.

— А я — Тундровый волк, — объявил свою форму Тао Цэжань.

— Тундровый волк? — выпалил Линь У. — И при этом ты боишься холода?

Тундровые волки обитают в основном в холодных степях и в тайге Сибири — там, где температура опускается очень низко.

— Ну, не всегда же я мерзну, — пробурчал Тао Цэжань.

— А ты, брат Чжао Ли? — Линь У повернулся к молчаливому мужчине. — Какая у тебя форма?

— Ястреб.

В голове у Линь У тут же возник образ парящего в небесах величественного хищника:

— Как круто.

Ван Е одним укусом уничтожил половину колбаски-гриль.

Линь У думал, что после того, как они поделятся своими животными формами, начнется непринужденная беседа за обедом.

Ему хотелось рассказать Тао Цэжаню о забавных историях из Школы.

Но дядя вдруг спокойно произнес:

— Я уволился.

Об уходе со стабильной должности в Университете Тао Цэжань сообщил так буднично, словно выбросил кочан капусты у дороги.

Линь У, который только-только запихнул в рот порцию салата, от неожиданности едва не прикусил язык.

Чжао Ли, судя по всему, знал обо всем заранее и продолжал невозмутимо обедать.

Ван Е счел, что это его никак не касается, и сосредоточенно жевал.

И лишь Линь У попытался переварить услышанное:

— Уволился? Из Университета?

Тао Цэжань кивнул:

— Угу.

— И что теперь? — Линь У изо всех сил пытался найти в этом плюсы. — Нашел место получше?

— Не буду больше искать, — легко улыбнулся Тао Цэжань. — Ухожу в горы.

— В горы?

— Мне всегда нравилось в горах. Ты же знаешь, только там я могу спокойно творить.

— Но ведь ты можешь уезжать туда на каникулах!

— Мало, — тихо ответил Тао Цэжань, и в его глазах будто отразились далекие вершины. — Чем

дольше я остаюсь в горах, тем меньше мне хочется возвращаться в город.

Линь У никак не мог этого понять:

— Но зачем сразу увольняться? Можно же взять отпуск за свой счет или уйти в творческий отпуск. Не собираешься же ты действительно провести в горах всю оставшуюся жизнь?

— А почему бы и нет? — Тао Цэжань подпер подбородок рукой и серьезно моргнул.

«Он еще и спрашивает...»

— Давай сначала проясним: ты планируешь, как во время каникул, забраться в глушь и выживать в диких условиях на подножном корму, или все-таки найдешь какую-нибудь деревушку и будешь вести пасторальную жизнь бок о бок с местными? — для Линь У между этими вариантами лежала пропасть.

Тао Цэжань ответил без тени сомнения:

— Конечно, как и раньше, выберу безлюдное место. Если там будут люди, это уже не возвращение к природе.

— В этом-то и проблема! — Линь У не находил себе места от беспокойства, боясь, что дядя наделает глупостей под влиянием минутного порыва. — У людей есть социальные связи. Уйти в горы на каникулы — это нормально, вроде уединенной практики. Но ты не сможешь жить там вечно, рано или поздно тебе придется вернуться.

Тао Цэжань улыбнулся, и в его неторопливом, размеренном голосе послышалось глубокое умиротворение:

— Когда я творил в горах на каникулах, я всегда думал: как было бы хорошо, если бы эти дни никогда не кончались, если бы я мог остаться там навсегда. Но ты прав, у людей есть социальные связи, и зачастую мы не властны поступать так, как нам хочется...

— Вот именно...

— И если говорить о самых приземленных вещах, чисто физически человеку с его выносливостью крайне трудно выжить в глухом лесу подобно зверю...

— Да-да, абсолютно верно...

Раз уж он все понимает, то почему бы не жить нормальной человеческой жизнью?

— Но что, если я больше не человек? — голос Тао Цэжана вдруг стал совсем тихим, почти невесомым.

Линь У растерянно переспросил:

— В каком смысле «не человек»?

Тао Цэжань отодвинул от себя тарелку и положил ладони на стол.